

Сергей Тражданкин

ЧТО
ЗА
РАЗ-
ГОВОР?

Записки актёра

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2017

УДК 821.161.1
ББК 84-5(2Рос=Рус)
Г 75

Гражданкин Сергей

Г 75 Что за разговор? Записки актёра. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 152 с.

ISBN 978-5-94457-290-5

Книга содержит несколько фрагментов авторского поиска. Поиски всякого рода свойственны большинству людей, но редко кто, несмотря ни на что, продолжает попытки найти искомое. У Насреддина есть история, иллюстрирующая подобную ситуацию. История называется «Трава у дома».

Насреддин с потерянным видом ползает в траве возле своего дома.

— Мулла, ты потерял что-то? — спрашивает сосед.

— Да ключ от дома, ёлки-палки!

Сосед присоединяется к поискам. Проходит несколько часов совместного сканирования. Наконец сосед спрашивает:

— А где ты потерял свой ключ?

— В доме! — отвечает Насреддин.

— Ради всего святого! Объясни мне, почему же ты ищешь здесь?!

— Неужели не ясно? Потому что здесь светлее!!!

Если у читателя этой книги есть вопросы или какая-либо потеря, то всегда есть возможность определить, где следует искать...

УДК 821.161.1
ББК 84-5(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-94457-290-5

© Гражданкин С. А., 2017
© Языки славянской культуры,
издание, оформление, 2017

Содержание

Введение	5
Проведение-1	8
Что говорят	9
Проведение-2	16
Гороховый квартет	17
Проведение-3	35
Опасная осведомленность	36
Проведение-4	42
Кто я	43
Кто она	59
Кто мы	72
Кто здесь	89
Кто там	106
Песни замятных лет	119
Борбикрена	130
Выведение	148

Введение

Наконец-то удалось собрать разрозненные мои записи. Осталось только придать им удобную для чтения последовательность...

Записи эти — фрагменты моего «внутреннего диалога». Я не писатель, я актёр! Часто и сам не понимаю, со мной ли что-то случилось или с персонажем, о котором речь...

Ремесло актёра — территория загадок. Она бывает похожа на территорию откровений, но это мираж, загадки остаются загадками. Мир актёра предстаёт между воображением (брожением образов) и явью — тем, что уже явлено.

Мне довелось однажды сыграть роль директора театра, и для актёров своего театра я написал пьесу-сказку «Кот в сапогах». В моём театре оказалось полно безработных актрис, и мне пришлось в этой сказке оставить всего три роли для мужчин (Кот, Маркиз и Король), остальные роли — для женщин...

Вот дорожная песня Короля из той пьесы:

Король: Зачем король живёт на свете?
 Где подданных его семья?
 На все вопросы нам ответит
 Казённый дом, дорога дальняя.

Своей страны не видел с детства,
Я сладко спал в стенах дворца.
Нас ждут просторы королевства,
Лицом к лицу — не увидеть лица.

Фрейлины: Мадам Земля, Вам так к лицу
На зелени сверкающего поля
Рек голубых извилистые ленты
И зреющее золото хлебов...

Король: Дворец — ещё не королевство,
Двор королевский — не народ.
Охота к перемене места —
Весьма уместный поворот!

Своей страны не видел с детства,
Я сладко спал в стенах дворца.
Нас ждут просторы королевства,
Лицом к лицу — не увидеть лица.

Фрейлины: Мадам Земля, Вам так к лицу
На зелени сверкающего поля
Рек голубых извилистые ленты
И зреющее золото хлебов...

Король: Хочу воочию увидеть
Я верноподданных моих,
Чтоб их никто не смог обидеть
Из верноподданных чужих.

Своей страны не видел с детства,
Я сладко спал в стенах дворца.
Нас ждут просторы королевства,
Лицом к лицу — не увидеть лица.

Фрейлины: Мадам Земля, Вам так к лицу
 На зелени сверкающего поля
 Рек голубых извилистые ленты
 И зреющее золото хлебов...

В переложении этой всем известной сказки Шарля Перро я сохранил маршруты её структуры. Но, боюсь, у меня структура сказки пострадала в ещё большей степени, чем у Перро. Говорят, он писал для французского двора и приукрасил эту историю так, что его версия, названная им «Кот в сапогах», сильно исказила оригинал. В оригинале же не кот, а газель, и главное: газель олицетворяет судьбу человека, стало быть, сказка эта повествует о диалоге человека со своей судьбой.

* * *

Проведение-1

Считается, что «структура сказки» — это её основа, скелет, и структуру можно выразить не только словами, что всё разнообразие сказок на земле мнимое и сводится к вполне определённом числу этих структур. Они, по сути, есть структуры глобальных событий, происходящих с человечеством...

Кто усматривает в сказке её структуру, тот может, опираясь на неё, сочинить новую сказку своим языком, с новыми подробностями. Поэтому есть мнение, что национальность сказки — всего лишь национальный костюм, в который она одета её пересказчиком, это язык и этнические бытовые подробности.

Чтобы проверить, возможна ли такая адаптация, я написал русскую сказку, используя структуру из африканского фольклора.

Что говорят

Коза Текле¹

Перевод оригинала:

Рассказывают, что в городе Алалту жил человек по имени Текле, у которого было стадо коз. И вот однажды он отправил своих коз на пастбище с пастухом. День был жаркий, и пастух, забравшись в тень под скалу, мирно уснул. Пока он спал, одна из коз забралась на кукурузное поле и стала там пожирать спелые желтые початки. Пастух проснулся и бросился за козой. Он махал руками и кричал: «Ра! Ра!». Так всегда кричат пастухи, когда гонят коз.

Но коза не двигалась с места. Она грустно смотрела на пастуха и продолжала жевать.

— Ра! — снова крикнул пастух.

— Ну что ты кричишь всё «ра» да «ра», — сказала вдруг коза, — взял бы палку да выгнал меня.

— А ведь правильно! — сказал пастух.

Он взял палку и ударил козу. Тогда только она сдвинулась с места. И так он бил её, пока не согнал с кукурузного поля.

А вечером Текле вышел доить своих коз. И когда очередь дошла до козы, которая забралась в кукурузу, то молока у неё не оказалось.

— У этой пусто, — сказал Текле пастуху, — в чём же дело?

— Не знаю, — ответил пастух.

— Он бил меня, вот в чём дело, — произнесла вдруг коза.

— То, что у неё молока нет, с этим бы я ещё мог мириться, — сказал Текле, — но вот,чтоб коза из моего стада разго-

¹ **Огонь на горе:** Эфиопские сказки, записанные Харолдом Курлендером и Вульфом Леслау / Пер. с англ. Х. Курлендер, В. Леслау; ил. Р. Кейн. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

варивала, этого я не потерплю. Что скажут соседи? Придётся её зарезать.

Козу зарезали и наварили мяса. Потом Текле взял самый большой кусок, дал его служанке и сказал:

— Отнеси это моему соседу. Скажи, что я сегодня зарезал козу и хочу поделиться с ним мясом.

Служанка взяла мясо и направилась к дому соседа. Она не отрываясь смотрела на мясо, так как была очень голодна.

— Возьми кусочек, — сказало мясо.

— Это ещё что? — удивилась женщина.

— Бери, бери, не бойся, — уговаривало мясо.

— А ведь и верно, — сказала служанка.

Она отщипнула кусочек мяса и съела.

Придя к соседу, она сказала ему:

— Текле зарезал сегодня козу, и он делится с тобой мясом.

— И со служанкой тоже, — сказало мясо, — она съела кусок по дороге.

Сосед вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

— Отнеси его назад Текле, — крикнул он из-за двери. — Зачем мне мясо, которое разговаривает?

Женщина отнесла мясо назад и сказала Текле:

— Он благодарит тебя, но мясо ему не нужно.

— Почему же ему не нужно мяса? — спросил Текле.

— А потому что оно разговаривает, — сказало мясо.

— Что, что ты говоришь? — изумился Текле.

— А кроме того, она съела кусок по дороге и принесла не всё, — добавило мясо.

— Нельзя терпеть в доме мяса, которое говорит! — воскликнул Текле.

Он отнес мясо к реке и бросил его в воду. А когда Текле был у реки, мимо его дома проходил бедный крестьянин. Он увидел, что на земле валяется козья шкура, и отнес её домой, решив, что в хозяйстве шкура пригодится. Дома он повесил шкуру в сенях, на стропила под потолком, чтобы высушить её. На другой день крестьянин вернулся с поля поздно вечером.

А жена его не знала, когда он вернется, и легла спать. Когда крестьянин пришел домой, было уже темно и дверь его дома была заперта. Он постучал, но жена продолжала спокойно спать. Он постучал еще и крикнул:

— Эй, отвори мне дверь, я устал и проголодался!

А козья шкура, что висела в сених, сказала:

— Не буди соседей. Толкни дверь и входи. Обед на столе.

Бери и ешь.

Крестьянин рассердился. Он толкнул дверь, вошел и увидел, что жена спит на своей подстилке.

— Я устал и проголодался! — закричал крестьянин. А ты хочешь, чтобы я обедал один. Я весь день гну спину в поле, а тебе лень даже меня покормить!

В гневе он схватил палку и хотел ударить жену.

— Стой! — сказала ему шкура. — Только пьяный бьет жену!

— Это ещё что? — Крестьянин так и застыл от изумления с палкой в руке.

— Тише! Ты своим криком и мертвого подымеешь, — сказала шкура.

— Вот тебе и на! Шкура разговаривает! — изумился бедняк. — Ну нет, в своем доме я этого не потерплю. Что скажут соседи?

С этими словами он снял шкуру со стропил, бросил её в очаг и сжег.

На другой день, когда крестьянина и его жены не было дома, к ним забрались воры. Они нагрузились вещами и уже хотели уйти, как вдруг зола в очаге заговорила:

— Намажьте золой губы, и вас никто не узнает.

— Неплохо придумано, — согласились воры, и каждый из них подумал, что это сказал его товарищ.

Они наклонились к очагу, намазали лица золой и пошли к двери. Но только вышли они на улицу, зола у них на губах стала кричать:

— Держите воров! Держите воров!

Крестьяне услышали крик, выскочили на улицу и схватили воров.

Вот уж правду говорят: рот не закроешь...

А это пересказ, следуя африканской структуре:

В селе Верхние Оличи, что на реке Сёстрице, жил Никита по прозвищу Кит. Сам он был из городских, но вот уж лет десять, как ушёл из семьи, поселился в деревне, завёл огород и держал небольшое стадо коз. Были у него и помощники, тоже городские — двое молодожёнов — Игоряшка с Оксанкой. Квартиру свою они сдавали, а деньги копили на покупку дома в деревне. А пока что жили у Никиты, Оксанка стряпала да в огороде Киту помогала, а Игоряшка с козами управлялся. Кит своими помощниками был весьма доволен, ведь в качестве платы они просили только крышу над головой да харчи за общим столом.

Вот однажды пригнал Игоряшка козье стадо к месту выпаса, а сам под кустом улёгся: день был сильно жаркий. Пока он спал, одна из коз забралась на свекольное поле и стала пожирать ботву с грядок. Игоряшка проснулся и бросился выручать совхозное добро, не ровён час, увидит кто из деревенских. Он кричал на козу, махал руками и ругался, как заправский пастух.

А коза — ни с места и, глядя на Игоряшку квадратными своими зрачками, продолжала жевать сладкую ботву.

— Пошла, мать твою так да разэдак, свинья рогатая! — не унимался Игоряшка.

— Ну что, материшься, как пацан деревенский! — сказала вдруг коза. — Взял бы дубину да огрел меня как следует, глядишь, и вышел бы толк.

— И то верно, — сказал Игоряшка.

Ухватил он свою пастушью палку и ну лупить наглое животное. Он охаживал её то с одного боку, то с другого, до тех пор, пока коза не покинула свекольные гряды.

А вечером, когда Никита доил своих коз, и очередь дошла до любительницы свёклы, молока у неё не оказалось.

— Смотри-ка, — сказал Кит, — у этой и на чашку не набралось. Эй, пастух, в чём же дело?

— А я почём знаю, — проворчал Игоряшка.

— Да излупил он меня палкой, вот и всё дело, — произнесла вдруг коза.

— То, что у моей козы молоко пропало, ещё куда ни шло, — сказал Кит, — но говорящую козу у себя в стаде я не потерплю. Деревенские и так на меня косо смотрят. Веди её в сарай, Игоряшка, нарушать будем.

Козу зарезали, наварили мяса. Кит взял самый большой кусок, положил на блюдо и сказал:

— Сходи-ка ты, Оксан, в Нижние Оличи да отнеси этот кусочек Василь Борисычу. Он всегда нас своей убоинкой угощает. Сало, что прислал прошлой осенью, до сих пор едим.

От Верхних Оличей до Нижних вдоль реки километра два будет. Взяла Оксанка блюдо с мясом и пошла бережком в Нижние Оличи. Шла она не спеша, то и дело останавливалась и разглядывала мясо, время-то было обеденное.

— Отломи кусочек, — сказала мясо.

— Это ещё что? — удивилась Оксанка, чуть не выронив блюдо.

— Да бери, не стесняйся, — уговаривало мясо, — вон с краю и отрезать не надо...

— И в самом деле, — сказала Оксанка, отщипнула кусок и съела.

Вот и Нижние Оличи показались. Дом Василь Борисыча крайний, у самой реки. Василь Борисыч на лавочке под окном сидит, Беломор покуривает.

— Доброго здоровья, Василь Борисыч, — сказала Оксанка, ставя на лавку блюдо с мясом. — Никита привет передавал, коли в наших краях будешь, заходи в гости. Вот прислал тебе Никита кусочек мясца (козу нынче зарезали), угощайся на здоровье. Святое дело — с соседями делиться.

— И с соседями, и с теми, кто к соседям угощение носит, — сказала мясо. — Ну и кусок же она по дороге оттыпала!

Василь Борисыч, как услышал такое, беломорину свою загасил и, не говоря ни слова, мигом поднялся, зашёл в дом и дверь за собой заложил. Только крикнул из-за двери:

— Неси назад чёртов кус! На хрена мне говорящее мясо, чтоб я сдох!

Делать нечего, вернулась Оксанка назад и сказала:

— Василь Борисыч благодарит тебя, Кит, но мяса ему не нужно.

— Деревенские от мяса отказываются? — изумился Никита.

— Что же это такое стряслось?

— А то и стряслось, что мясо разговаривает, — сказала мясо.

— Что говоришь?.. Во дела! — оторопел Никита.

— А кроме того, — добавило мясо, — она не всё ему отнесла, по дороге отхватила кусок и съела.

— Чтобы в моём доме мясо разговаривало? — крикнул Никита, — не бывать этому!

Он собрал всё мясо, отнёс к реке и забросил его в воду подалее от берега.

В то самое время, когда Кит топил в реке мясо, мимо его дома проходил почтальон Ваня Шепель (Шепелем его звали по причине шепелявости). Видит Шепель: на траве козья шкура валяется. «Ну и хозяйева, — подумал, — мясо едят, а шкуру выбрасывают, одно слово — горожане!» Поднял он шкуру и понёс домой: не пропадать же добру! Дома, как водится, присолил шкурку и растянул на мосту для просушки.

На другой день Ваня вернулся с почты поздно, уже затемно. Жена его, Клавдея, не дождавшись мужа, улеглась спать. Ваня торкнул дверь — заперта, окликнул жену — молчок. Осерчал Ваня и огласил окрест всё, что он о жене думает. А козья шкура, что сохла на мосту, сказала ему в ответ:

— Не ори, соседей разбудишь. Зайди в избу со двора, там не заперто. Обед на столе, бери да ешь.

Ваня так и сделал. Вошёл в избу, зажёг свет, видит: обед на столе под полотенчиком, а жена дрыхнет на печи.

— Ах, ты колода старая, — завопил Шепель, — так-то ты мужика встречаешь! Я, как пёс бездомный, весь день от избы к избе с проклятыми газетами шамануюсь, а дома мне тоже, как псу, обед в миске оставляют... На печи она угрелась! Вот я тебя сейчас кочергой-то поворочу...

И Шепель, захватив кочергу, собрался было исполнить угрозу.

— Стоять, гусь почтовый! — крикнула с моста шкура. — Пьяный что ли? Только пьяницы бьют своих жен.

— Какого чёрта? — ошалев от услышанного, пробормотал Шепель, приоткрыл дверь и потихоньку выглянул на мост.

— Ну и разорался, — продолжала шкура, — небось, на погосте все мертвецы из могил повыскакивали!

— Вот те на! — крикнул Ваня, разглядывая свою находку. — Говорящая шкура! Теперь всякий скажет: «У Шепеля-вого шкуры разговаривают!» Ну уж нет...

С этими словами схватил он шкуру и, вбежав в избу, сунул её в печь-лежанку, там оставались угли.

Ваня подбросил ещё сухих полешек и спалил шкуру.

На другой день, когда ни Вани, ни Клавдеи дома не оказалось, в избу к ним зашли воры. Они собрали в тюки всё, что им приглянулось в доме, и двинулись было вон, как вдруг зола в лежанке проговорила:

— Намажьте лица золой, и вас никто ни за что не опознает.

— Правильно придумано, — согласились воры, каждый решил, что слова эти сказал его товарищ.

Они открыли створку лежанки, наклонившись, вымазали лица золою и направились к двери. Но только они вышли на улицу, как зола на их губах стала кричать:

— Воры! Держите их! Не дайте вора́м уйти!

Все соседи, кто был в домах, выбежали и схватили воров.

Вот уж правду говорят: «В зубах не удержал — в губах не удержишь» или «На чужой роток не накинешь платок». Хотя и на свой роток ни платок, ни подушку иной раз не накинешь...